

А не был ли он на самом деле киборгом? Да нет, чушь какая-то. У него сохранились самые четкие воспоминания: вся жизнь перед глазами, с самого детства, от школы до работы и последовавшего за ней судебного приговора и тюрьмы. Как родители водили его в парк аттракционов, как он порос и пошел в школу, первая драка с одноклассником, первая любовь, потом институт и работа — всё донельзя отчетливо. А еще его паршивая физическая подготовка — типичный природный человек! Шэнь Лан хлопнул себя по груди и с облегчением выдохнул. Сам себя напугал: порой плохая физическая форма — вовсе не худшее дело, по крайней мере, не придется переживать, что ты киборг. Возможно, та подземная база была всего лишь экспериментальным комплексом биоинженерных технологий, а он в худшем случае был лишь сырьем, а не готовым изделием.

Этой ночью Шэнь Лан так больше и не уснул, в голове снова и снова прокручивались сцены с участием Ху Кэ. Киборги — существа, которые прежде встречались лишь в кино и видеоиграх, а теперь они воочию появились прямо рядом с ним, но остальные в лагере, похоже, и не подозревали о ее истинной сущности. Что это вообще за эпоха такая? Удивительный мир, где развитие и отсталость, цивилизация и дикость сплелись в жестоком столкновении.

Шэнь Лан забылся тревожным сном лишь под утро, к счастью, днем ему не нужно было заступать на дежурство, да и будить его никто не собирался.

Он проспал до самого ужина, а наступающей ночью в лагере вновь объявили красную тревогу. Ближе к полуночи с неба даже полетели снежинки. Шэнь Лан помнил, что в его далеком детстве снег в этом городе шел каждую зиму, но стоило ему немного подрасти, как осадки прекратились. Это был первый в его взрослой жизни снегопад. Снежинки поначалу падали редко, но вскоре закружились метелью, всё сильнее и сильнее заметая за воротник. На Шэне была лишь ватная фуфайка, и он плотнее запахнул воротник. С самого начала зимы он ходил в этой короткой стеганке, но завтра придется раздобыть еще какой-нибудь теплый одеждой.

Ровно в час ночи Четырехглазый пришел на смену. Шэнь Лан протянул озябшую руку, похлопал Четырехглазого по плечу и уже собирался повернуть назад. В этот момент взревели сирены — инородцы всё-таки пришли!

В лучах прожекторов сквозь пелену летящего снега Шэнь Лан смутно различил силуэты инородцев в километре от лагеря. Не паниковать, не паниковать, беспрестанно внушал себе Шэнь Лан, тщательно обматывая правую ладонь и пальцы заранее заготовленной полоской ткани. Это помогало увеличить трение между ладонью, корпусом оружия и спусковым крючком, спасая от скольжения потных рук и повышая точность стрельбы — такой опыт Шэнь Лан вынес из прошлого боя.

Инородцы медленно надвигались, собираясь на месте в плотные группы. Шесть-семь сотен метров — дистанцию инородцы выдерживали идеально. Этот рубеж находился за пределами эффективной дальности стрельбы большинства видов оружия; даже если пули кое-как долетали, они теряли всю убойную силу и для инородцев были всё равно что комариный укус. Абсолютно безопасная зона.

Все боевые расчеты на смотровых площадках заняли свои места и приготовились к бою.

Тыловики на тележках подвозили боеприпасы к позициям, оборонявшим северные и южные ворота, а Ху Фэн, Ху Кэ и Старый Дракон Яда, как обычно, ждали приказа в центре площадки во главе трех резервных отрядов.

Вдали раздался пронзительный свист, словно по команде, и инородцы пошли в атаку.

Одной рукой Шэнь Лан сглаживал отдачу ствола, а указательным пальцем другой зажал спуск, выцеливая жертву. В прицеле уже отчетливо виднелись безобразные маленькие глазки бегущих инородцев. Шэнь Лан мысленно прикинул расстояние, поправил прицел и нажал на курок. Грянул выстрел, пуля чиркнула черным дымком по макушке намеченной цели — ушла выше. Инородец взвыл от боли и припустил еще быстрее.

Шэнь Лан понял, что Четырехглазый и впрямь страдает дикой близорукостью — тот рядом вообще ничего не разглядел. В прошлой жизни из него, пожалуй, вышел бы отменный врач или учитель, но вот бойцом ему точно было не суждено стать: куда бы он ни подал заявление в армию, его бы отовсюду вышвырнули. Но здесь злой рокер забросил его именно в ту профессию, к которой он меньше всего подходил.

Приплясывая на месте, Четырехглазый испуганно причитал:

— Ну как там? Сколько их? Попал хоть в кого-нибудь?

Шэнь Лан молниеносно перенес прицел и снова выстрелил. Бежавших в авангарде инородцев было штуки четыре-пять. Шэнь Лан лупил по одной конкретной цели, и боец с соседней позиции тоже навел ствол на этого самого шустрого урода. Только когда Шэнь Лан полностью опустошил магазин, тварь наконец потеряла боеспособность и рухнула на землю, отчаянно вереща и барахтаясь в снегу, не в силах подняться.

К этому моменту остальные инородцы тоже подскочили ближе, и в руках у Четырехглазого застрочила М16 — он наконец-то начал хоть что-то видеть.

Тут же с восточной, южной и северной сторон смотровой площадки гроыхнуло так, словно рассыпался целый мешок сушеного гороха. На этот раз количество нападавших инородцев оказалось столь велико, что их хватило для одновременного штурма со всех четырех направлений. Казалось, сюда стянулись вообще все инородцы из окрестностей города.

М16, бывшая некогда штатным оружием американской пехоты времен Вьетнамской войны, по меркам лагеря считалась едва ли не новым стволом. Надежная, с высокой скорострельностью, она, однако, стреляла малокалиберными патронами калибра 5,56 мм. Такой боеприпас отлично крошил человеческую плоть, но против чудовищно прочной костяной брони инородцев годился с натяжкой. Очередь за очередью вгонялись в головы бежавших впереди тварей, но это ничуть не замедляло их бег. Стрелок из Четырехглазого вышел отменный: сообразив, что в головы палить бесполезно, он мгновенно перенес огонь в паховую область и прочие уязвимые места, защищенные хитином хуже всего. Инородцы, получившие в пах, действительно сбавили скорость, и Шэнь Лан тут же вклеил одному из них точно в глазницу. Из глаза брызнула темная кровь, тварь клюнула носом в землю и пропахла носом снег, улетев далеко вперед —

встать после такого вряд ли кому-то удалось бы.

В пределах трехсот метров Шэнь Лан довольно легко укладывал любую неподвижную мишень, но попадать по быстро движущимся целям — тут уж извините. Зато стоило Четырехглазому осадить прыть врагов, как меткость Шэнь Лана снова пошла в гору. Они словно нашли идеальный способ слаженной работы, с каждым выстрелом понимая друг друга всё лучше, и при поддержке соседей-бойцов незаметно уложили всю первую волну прямо у подножия трибуны.

Стоило им только перевести дух, как подоспел второй эшелон из семи-восьми тварей, а вдали уже готовился к броску смутный силуэт третьего. Со всех сторон гремели выстрелы и взрывы — похоже, на этот раз инородцы решили взять их измором.

Четырехглазый судорожно вздохнул, сменил магазин на М16 и снова изрыгнул пламя. Шэнь Лан, следуя за его целями, то и дело добавлял пулю-другую в глазницы и прочие уязвимые точки.

— Что делать-то? Их всё больше и больше! — орал Четырехглазый.

Шэнь Лан бросил взгляд на готовящуюся к атаке третью волну, и на душе у него заскребли кошки. По всему лагерю грохотали выстрелы — судя по всему, на других участках приходилось не слаще, и при таком раскладе выстоять — задача из разряда фантастики. Снизу несколько уродцев уже полезли по стенам. Шэнь Лан высмотрел парочку прямо под ними и швырнул гранату, рывком втащив Четырехглазого обратно и пригнувшись. Глухой взрыв разметал обломки и тучи пыли, осыпав обоих с головы до ног крошевом камня. Граната сбросила карабкающихся тварей вниз, но ударной волны от осколков и стальных шариков явно не хватало, чтобы нанести им серьезный урон: инородцы лишь тряхнули головами, яростно взвыли и полезли наверх с новой силой.

Четырехглазый взревел и открыл бешеный огонь по темячкам тварей. Под этим углом глазницы и пах были недоступны, а макушки инородцев отличались особой гладкостью и толщиной, так что пули просто отскакивали от них.

Шэнь Лан вдруг хлопнул себя по лбу:

— Лапы! Бей по лапам!

Карабкаясь по стене, инородцы загоняли когти глубоко в кладку, и большая часть пальцев оставалась открытой — отличная мишень. Шэнь Лан вжал приклад в плечо и саданул по указательному пальцу: тот отлетел по самый корень. Четырехглазый, сообразив что к чему, тут же открыл пальбу по остальным пальцам. Пули высекали искры из костяной брони, но после короткой очереди удалось отстрелить еще парочку. Следом Шэнь Лан раскурочил пальцы на второй руке чудища, и, лишившись большей части опор, тварь предсказуемо сорвалась вниз, лишь бессильно и злобно воя в небеса у основания стены.

Обретя рабочую тактику, Шэнь Лан и Четырехглазый воспрянули духом. Стоило инородцу лишиться способности лазать по стенам, как он превращался в обычную живую мишень — какая бы броня ни была, ее можно расколоть. Напарники методично расстреливали карабкающихся уродов, как вдруг у самого уха раздался крик:

— Северные ворота не выдерживают! Живее на помощь!

У северных и южных ворот дежурили боевые группы по двадцать человек в каждой. Помимо штатного вооружения, они были усилены двумя станковыми пулеметами Максима и несколькими едиными пулеметами MG42. Пулемет Максима считался мощнейшим оружием в лагере: в годы Первой мировой войны он навсегда закрыл эпоху плотных пехотных атак. Пусть конструкция и устарела, но стоило приставить к нему подносчика патронов, чтобы лента не иссякала, как он выдавал почти тысячу крупнокалиберных выстрелов в минуту. Два таких пулемета, сменяя друг друга, практически не оставляли пауз в стрельбе, а вдобавок к ним работали пулеметы MG42. На пятачке перед воротами такая плотность огня способна была смести любой атакующий порядок инородцев. Даже если тварь, ценой огромных потерь, прорвется к воротам, проломить толстую стальную створку с налету не выйдет, и штурмующих быстро перебьют огнем сверху. Можно сказать, что южные и северные ворота были одновременно и самым опасным, и самым безопасным местом.

Шэнь Лан и Четырехглазый переглянулись, прочитав в глазах друг друга немой ужас: если уж южные ворота, сосредоточившие в себе такую огневую мощь, затрещали по швам, сколько же там скопилось тварей? Сейчас оборонительное кольцо на трибуне трещало по швам, и выделить людей на подмогу Южным воротам не представлялось никакой возможности — отстоять их можно было только своими силами.

Вдруг у южных ворот грянул мощный взрыв, потонувший в какофонии испуганных криков. Шэнь Лан нутром чуял — дело дрянь, южные ворота прорвали! Как только ворота падут, инородцы хлынут в пролом потоком, и все защитники трибун окажутся в клещах, обреченные встретить завтрашний рассвет на том свете.

Шэнь Лан глянул в сторону южных ворот: сквозь снежную круговерть и общую суматоху было видно, как несколько чудищ уже хозяйничают у входа, сходясь в рукопашной с защитниками. Танк Т-34, который с момента прибытия Шэнь Лана в лагерь ни разу не сдвинулся с места, снова взревел мотором и попятился к воротам, пытаясь отбить позиции, а пулемет Максима на его башне вновь заизрыгал пламя.

— Всем назад! Сжимаем периметр! Сжимаем периметр! — надрывался чей-то голос за укреплениями площади, и Шэнь Лан узнал Ху Фэна.

Он поспешно швырнул гранату и, пока чудищ раскидывало взрывной волной, дернул Четырехглазого за рукав, подхватил оружие и бросился вниз с трибуны. Вокруг бойцы тоже отчаянно удирали к земле, но некоторые добровольно остались прикрывать отступление, стоя насмерть. Без подавляющего огня с высоты со всех сторон на трибуны полезли десятки инородцев; тех, кто прикрывал отход, и отстающих косило, как солому, под вопли раздираемых когтями тел.

Из бойниц защитных сооружений на площади бил непрерывный огонь, сдерживая рвущихся наверх тварей. Шэнь Лан с Четырехглазым в два прыжка вслед за отступающими бойцами сиганули внутрь укрепления. Ху Фэн и Ху Кэ соткали заслон из десятков людей, отступивших в тыл. Лицо Ху Кэ по-прежнему оставалось ледяным, без тени страха — в ее глазах жизнь и смерть будто потеряли всякое значение.

На Ху Фэна были намотаны пулеметные ленты, в руках он держал М60, отчаянно поливая врагов свинцом. Это был единственный М60 во всем лагере, стрелявший натовскими стандартными патронами 7,62×51 мм. Помимо громоздкого Максима, это оружие обладало едва ли не самой разрушительной силой во всем лагере. Прославившийся во Вьетнаме пулемет не растерял былой мощи: пусть он и стрелял свинцовыми сердечниками, но за счет бешеной кинетической энергии пары попаданий хватало, чтобы опрокинуть инородца, вмять его прочную костяную броню. Ху Фэн лупил короткими очередями с ювелирной точностью: десятки пуль распределялись между лезущими вперед уродами, переворачивая их вверх тормашками и заставляя скатываться назад с душераздирающим воем.

Внутри впрыгнула сутулая фигура — это был Старый Дракон Яда. На его руке алели кровавые потеки, голос его звучал глухо:

— Это Гуй Ли. Южные ворота прорвал Гуй Ли.

Хуже новости и придумать было нельзя. Инородцы ждали двое суток прежде чем пойти в атаку — оказывается, они ждали Гуй Ли. Слава этого монстра гремела так громко, что у всех услышавших сердце ухнуло в пятки.

В укрытие продолжали прыгать выжившие. Оборонительный узел был куда меньше смотровой площадки, и когда здесь толпа народу сбилась в кучу, плотность огня возросла многократно: при всех полчищах врагов подобраться близко те не могли.

— Берегите патроны, парни! Цельтесь лучше! Выдержим этот рубеж, рассветет, монстры отступят, и победа будет нашей! — подбадривал всех Ху Фэн.

Инородцы и впрямь не любили дневной свет, начиная масштабные штурмы исключительно под покровом ночи, но вот станут ли они бросать победу в шаг от триумфа с первыми лучами солнца — этого никто гарантировать не мог.

Внутри ввалилось еще несколько человек. Один волок на спине тяжелораненого бойца с оторванными под корень ногами — тот уже потерял сознание, лицо его покрывали запекшаяся кровь и грязь. Приглядевшись, Шэнь Лан узнал Капсюль. Кто-то наспех перевязал раненого, Ху Фэн бегло осмотрел его, покачал головой, нашел свободный от снега пяточок, разостлал сорванную с себя одежду и уложил Капсюля прямо на земле.

Сквозь метель Шэнь Лан заметил, что Т-34 застыл на месте, старенький пулемет Максима смолк, а стрелок безвольно повис на башне, и черная нога уже давила его спину. Хозяином этой ноги был инородец, чье тело отливало металлическим черным блеском. Невысокий, с глубоко посаженными глазами, он отличался от прочих пилообразными шипами на плечах,

локтях и коленях. Неужели это и есть Гуй Ли?

До него было метров пятьсот — дистанция за пределами прицельной дальности большинства стволов, но к карабину Маузер 98к это явно не относилось. Ветер стих куда сильнее, чем в начале снегопада. Шэнь Лан проследил за траекторией падающих снежинок, прикинул поправку на ветер, выставил прицел, поймал в перекрестье глазницу Гуй Ли и нажал на спуск.

Грянул выстрел. Гуй Ли лениво вскинул руку и беззвучно отбил пулю — та отскочила от наруча. Шэнь Лан заметил, как крошечные глазки чудовища блеснули синевой, уставившись прямо на него, и от этого взгляда сердце сжалось, словно кто-то сдавил его железной хваткой.

В этот самый миг промедления к позиции Шэнь Лана подскочил еще один инородец, просунув черную лапу в бойницу укрепления. Шэнь Лан в упор пальнул ему по пальцам, отстрелив один из них. Тварь взвыла и дернула лапу назад, но тут же в проем влезла уродливая голова с разинутой пастью, испуская истошный визг. Оскаленные зубы едва не касались носа Шэнь Лана, а от зловонного дыхания замутило.

Сработав на чистых рефлексах, Шэнь Лан нащупал на поясе последнюю гранату, выдернул чеку и засунул ее прямо в вонючую пасть чудовища. Граната была оборонительной. Тварь замерла на секунду, словно соображая, чем это ее угостили, а затем ударная волна вместе с осколками, ошметками разорванных внутренностей и брызгами черной крови полезла наружу из пасти, груди, живота — изо всех щелей сразу. Инородец обмяк, рухнув мешком, а в остеклевших глазах застыло полное недоумение.

— Похоже, желудок у тебя тоже не из железа, — выругался Шэнь Лан, стирая со щеки зловонную жижу.

От грохота взрыва в голове зазвенело, накатила тошнота, и оглушительная стрельба вокруг словно затихла.

Вокруг всё прибывало прущих тварей, и те бойцы, что не успели отойти к периметру, судя по всему, уже сгнули. Огонь внутри укрепления стоял плотный донельзя: подбитые инородцы отлетали назад кубарем, и многие больше не поднимались.

Шэнь Лан заметил, как бесчувственный доселе Капсюль шевельнулся — судя по всему, его одолела взрывная волна. Тот опустил голову, глядя на обрубки собственных ног, кровь залила ему глаза, и, издав жуткий хрип, он одной рукой ухватился за ствол, а другой уперся в землю, пополз к рою инородцев.

— Ты куда?! — Шэнь Лан вскинул руку, пытаясь удержать его. — Вылезешь — смерть мгновенная!

Капсюль размахнулся и заехал Шэнь Лану прикладом по лицу. Шэнь Лан почувствовал, как по щеке побежала теплая струйка, затекла в угол рта — солоноватая на вкус.

— Эта сволочь сожрала мои ноги, и я пойду заставлю их выплюнуть обратно! — прохрипел Капсюль.

Кровавые слезы капали из глаз, глазницы едва не трескались по швам.

Шэнь Лан отпустил руку, перестав упорствовать. Капсюль искал смерти, а смерть порой — избавление.

Капсюль оглянулся через плечо, и Шэнь Лан понял, что тот ищет глазами Ху Кэ. Затем он отвернулся, опираясь на одну руку, с автоматом наперевес выполз наружу.

В безумном иступлении Капсюль орал что-то неразборчивое, ствол изрыгал огонь, а вторая рука изо всех сил толкала тело вперед, оставляя за собой две пугающие кровавые полосы. Шэнь Лан смотрел, как он растворяется в массе инородцев.

Бой шел ожесточенный, ситуация зашла в тупик. Но по мере того как таяли запасы боеприпасов, весы победы неумолимо склонялись к противнику. Забившись сюда, бойцы не могли пополнить магазины вовремя — когда патроны кончатся, им что, кулаками и зубами отбиваться? К тому же над ними нависла главная угроза — Гуй Ли, который продолжал выжидать. С его непостижимой силой, стоило ему только захотеть, он мог в мгновение ока переломить исход битвы.

При нынешнем раскладе прорыв сулил девяносто девять шансов из ста отправиться на тот свет, а отказ от прорыва — сто из ста. Неудивительно, что вскоре к нему пробрался Четырехглазый и сквозь канонаду прокричал прямо в ухо приказ Ху Фэна. У Шэнь Лана всё еще закладывало уши, и Четырехглазому пришлось повторить несколько раз, прежде чем до того дошло. Ху Фэн приказал Ху Кэ и Старому Дракону Яда уводить половину людей к арсеналу, а сам с остальными оставался держать оборону. Услышав это, Шэнь Лан передал приказ дальше: «держат оборону на месте» на армейском языке значило «быть арьергардом смертников».

Вскоре показалась пригнувшаяся Ху Кэ — она обходила бойцов, выкрикивая имена. Названные спешно меняли магазины, готовясь к прорыву. У Шэнь Лана сердце ушло в пятки: он отчаянно надеялся, что Ху Кэ назовет его имя. Как назло, он никогда в жизни не догадывался зажечь благовония какому-нибудь божеству, а теперь у прорывающихся оставался призрачный шанс на выживание, в то время как оставшихся ждала верная смерть. Шэнь Лан чудом спасся из криокамеры, не менее чудом его откопали из-под земли, и он так упорно цеплялся за жизнь, имея в планах кучу дел, что совершенно не желал становиться обедом для какой-нибудь твари.

Шэнь Лан твердил про себя молитвы, но до самого конца прорыва так и не услышала своего имени. Сидевший рядом Четырехглазый скорчил кислую физиономию — его тоже не позвали.

— Братья, покажем этим чудищам, на что мы способны! Не посраим нашу честь!

<http://bllate.org/book/21118/2142786>